

М.К. Чуркин

**«СУБАЛТЕРНЫ» КОЛОНИЗАЦИИ
В НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ
И ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ Н.М. ЯДРИНЦЕВА**

На материалах произведений Н.М. Ядринцева реконструируются образы «колониальной субалтерности», восстанавливаются наиболее значимые эпизоды коллективной биографии субъектов колонизационного процесса второй половины XIX – начала XX в., которые в имперском дискурсе позиционировались и в качестве объекта освоения. Доказывается, что «субалтерн», будучи носителем ограниченной субъектности, был лишён возможности артикулировать отношение к собственному подчинённому статусу, что становилось «зоной» ответственности «Человека власти и культуры».

Ключевые слова: внутренняя колонизация, постколониальные исследования, дискурс, «субалтерн», «Человек власти и культуры», Н.М. Ядринцев.

В постколониальных исследованиях тема «внутренней колонизации» как части имперского опыта России обсуждается за пределами традиционных схем рефлексии отечественного колонизационного процесса, характерных для историографического дискурса второй половины XIX и большей части XX в. Своеобразие постколониальной исследовательской «оптики» определяется смещением акцентов от изучения практик хозяйственного освоения и административного управления подведомственными государству территориями к осмыслению основных компонентов колонизации: культурного и политического.

В работах А. Эткінда, Д. Уффельманна, И. Кукулина, носящих полидисциплинарный характер сложилось определение внутренней колонизации как регулярных практик колониального управления и знания внутриполитических границ государства. При этом авторы

ведут речь об особом типе отношений между государством и подданными, в параметрах которого государство относится к подданным как к покоренным в ходе завоевания, а к собственной территории – как к захваченной и загадочной, требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра [1]. В этой связи составляющими элементами имперского доминирования, реализуемого через практики принуждения, были: культурная экспансия, гегемония власти, этническая ассимиляция в пределах государственных границ. Решение поставленных задач имперские власти осуществляли в интересах безопасности империи, поиска ресурсов обеспечения её устойчивости, что выводило на первый план задачи колониального принуждения.

Согласно логике А. Эткинды [2] и М. Липовецкого [3. С. 809] в русской культуре XIX в. сформировался *сюжет внутренней колонизации*, который строился вокруг конфликта «Человека власти и культуры» и «Человека из народа», позиционируемого в нашем исследовании в качестве «колониального субалтерна».

Понятие «субалтерн» (подчиненный) является производным продуктом постколониальной теории и относится к обездоленным, маргинализированным индивидам и группам с ограниченной субъектностью, что лишала эту категорию возможности быть услышанными. Определяя «субалтерна», М. Липовецкий характеризует его как «другого», по отношению к которому создаётся имперская идентичность [3. С. 812]. Концепция субалтерна, в основе которой лежит идея А. Грамши о гегемонии как варианте добровольного принятия отношений господства, предполагает, что доминирование «Человека власти и культуры» основывается не столько на приёмах насилия и геноцида, сколько на согласии управляемых [4].

Одной из определяющих интенций в исследовании проблемы стал вопрос, поставленный в работе Г. Спивак «Могут ли угнетённые говорить?», на который автор даёт однозначный ответ: «нет, за них это должен сделать кто-то другой» [5. С. 656].

Утверждение того факта, что Россия создается путём самоколонизации и самопожертвования, а российская идентичность вмещает в себя субъектность суверена и субалтерна, требует адекватной системы аргументации посредством перепрочтения и интерпретации сюжетов внутренней колонизации, в центре которых располагаются

хорошо известные события сибирской истории: ссылка и каторга, переселенческое движение, инородческий вопрос, общественная жизнь окраины и т.д. В этой связи, обращение к литературному наследию Н.М. Ядринцева (статьям, стихотворениям, фельетонам) предоставляет возможность не только реконструировать образы «колониальной субалтерности», воссоздать значимые эпизоды коллективной биографии угнетённых или выстроить их по определённому ранжиру: коренное население, старожилы края, переселенцы из Европейской России, но и услышать голоса самих «субалтернов».

Постколониальный ракурс исследования литературного творчества Н.М. Ядринцева, как представителя либерального сегмента российского общественно-политического дискурса, открывает перспективы выявления практик и форм сопротивления безголосых угнетённых, механизмов их двухстороннего притеснения, осуществляемого не только колонизаторами, но и традиционной патриархальной властью.

«Колониальный субалтерн», как действующий субъект сюжетов «внутренней колонизации», выведен Н.М. Ядринцевым как жертва, сопротивляющаяся пассивно, вязко, бездеятельно. М. Липовецкий, определяя субалтерна, пишет следующее: «Субалтерн – это именно Другой, по отношению к которому создаётся имперская идентичность. Образы «взрослых детей», живущих не в истории, а в природе, интуитивно мудрых и экзотически чарующих «дикарей»... есть главная примета колониальной субалтерности» [3. С. 821].

Переходя к вопросу о конструировании образа «субалтерна» в текстах Н.М. Ядринцева, необходимо отметить, по крайней мере, два важных обстоятельства.

1. В литературном и публицистическом наследии Н.М. Ядринцева репрезентации колониальной субалтерности непосредственно связаны и соотносятся с его биографическим опытом, весьма травматическим.

Исходным пунктом формирования представлений о «субалтернах» колонизации, определившим модели её рецепции и репрезентации в научно-публицистической деятельности областников, стал знаменитый процесс «сибирских сепаратистов» в 1865 г., по результатам которого наиболее активные, с точки зрения следствия, фигуры (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, Н.С. Щукин)

оказались высланными под надзор полиции в северные губернии европейской части России.

Принимая во внимание, что дело «сибирских сепаратистов» имеет достаточно полную и обширную историографию, отметим, что за гранью исследовательского интереса остаётся эмоциональная реакция «жертв», сложная система душевных переживаний, определивших их амбивалентный статус в восприятии данного события и выстраивании последующей стратегии поведения, запечатлённой в общественно-политической и научно-публицистической деятельности областников.

Следует отметить, что «переживание» личной «травмы» участниками дела «сибирских сепаратистов», связанное с невольным перемещением в пограничное поле «Человек власти и культуры» / колониальный субалтерн, до некоторой степени преобразовалось в признание собственной вины и желание искупления, что так или иначе находило выражение в коммуникации и сотрудничестве с имперской властью. Г.Н. Потанин, «чистосердечно» признавший себя во время следствия сепаратистом, сожалел, что «своим поступком «набросил сепаратистский плащ» на всю компанию и «дал окраску» всему делу» [6. С. 209]. Очевидно, что методы расследования и рациональный подход власти к делу сепаратистов, относительно гуманные решения, принятые по результатам следствия, способствовали, с одной стороны, инкапсуляции «травмы» и переходу её в латентное состояние, с другой – создали благоприятную ситуацию для привлечения фигурантов дела к экспертной работе и включению их в общеимперский контент решения колонизационных задач. Всем доподлинно известен вклад вчерашних государственных преступников в организацию и проведение экспедиций по исследованию географии, топографии, экономики, этнографии восточных окраин, разработку программ по изучению быта переселенцев, старожилов и коренного населения края [7].

Переживание «травмы» всегда связано с желанием сохранения целостности личной идентичности, что способствует конструированию особого механизма психологической самозащиты – диссоциации как бессознательной стратегии недопущения травмирующего события в сознание. Так, Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, спустя годы, единодушно сходились на том, что это дело было раздуто, сту-

денческие вечеринки сибиряков превращены в тайное общество, разговоры о возможном будущем отделении Сибири-колонии от Российской метрополии, по аналогии с Северными Соединенными Штатами Америки, были представлены следствием как намерения; пропаганда сепаратизма была усмотрена даже в идее открытия сибирского университета [8. С. 64, примеч.]. Н.М. Ядринцев в своей автобиографии не отрицал, что они говорили об отделении Сибири и создании республики, но как об очень отдаленном будущем, желали своей родине «нового гласного суда, земства, больше гласности, поощрения промышленности, большей равноправности инородцам» [9. С. 156].

Осмысление и переживание собственного «травматического» опыта «предсубальтерности» происходило у представителей сибирского областногочества дистанционно. Оказавшись далеко за пределами Сибири: Г.Н. Потанин – в Вологодской губернии, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков – в г. Шенкурске Архангельской губернии, ссыльные попали в более сложноустроенную коммуникативную среду, в которой они были вынуждены реализовывать свои убеждения с учётом сложившихся бытовых условий. Так, Н.М. Ядринцев, приехав в Архангельск без денег и тёплой одежды, получил разрешение задержаться в ожидании гонорара и в качестве компромисса составил записку о положении русской пенитенциарии в крае, которая была отправлена на высочайшее рассмотрение за подписью местного губернатора [10. С. 22]. В благодарность Ядринцев был отправлен в Шенкурск не по этапу, а в экипаже [10. С. 22]. Вообще, отрыв областников от Сибири предоставил им возможность глубже погрузиться именно в сибирскую колонизационную проблематику, что было связано и с обстоятельствами объективного свойства. Находясь в ссылке, Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин активно сотрудничали с местными изданиями, в частности Волжско-Камской газетой, что не только наполняло жизнь ссыльных смыслом, но и предоставляло возможность обеспечивать себя. Важным следует признать и то, что местные издатели, во многом по цензурным соображениям, предпочитали публиковать периферийные (сибирские) сюжеты, не имевшие прямого отношения к проблемам собственного региона [10. С. 24].

Фактором, который также способствовал переформатированию личной «травмы», стало непривычное для активно коммуницирующих личностей состояние фрустрации, дополняемое чувством оди-

ночества. Н.М. Ядринцев сетовал, что там (в Шенкурске), нет людей одинаковой с ним породы: Шашков был сосредоточен в себе, Уша-ров пил и все больше опускался: «Я одинок, как и Вы, – писал он Потанину, – и космополитическая среда, и ее интересы, и разговоры не удовлетворяют меня. Мне нужны птицы одной породы, и за соседство с Вами я променял бы все прочие соседства» [11. С. 48].

Таким образом, можно предположить, что вынужденные статусные деформации, пережитые Ядринцевым, возникновение трудной жизненной ситуации стали сопутствующим условием более полных и цельных представлений о «травме», переживаемой субъектами колонизации: переселенцами из Европейской России, сибирскими старожилами, индигенными народами, что оказалось детально репрезентировано в их публицистическом наследии.

2. Дискурс «субалтерности», раскрываемый Ядринцевым через актуализацию тем ссылки и каторги в регионе, жизнеспособности сибирского общества, инородческой, старожильческой и переселенческой проблематики, представлен в его творческом наследии как альтернатива набирающим силу социал-дарвинистским теориям, в эпицентре которых располагались идеи о расовой неполноценности «неисторических» народов и неизбежности вымирания коренных и прочих групп населения, имевших подчинённый статус. Настаивая на колониальном характере имперской инкорпорации и продвигая тезис «Сибирь – колония», Н.М. Ядринцев оговаривал важность патерналистских действий в отношении «субалтернов», что способствовало бы преодолению их культурной отсталости и интегрированности в природу.

Наиболее яркие образы колониальной субалтерности выведены Ядринцевым в работах «Русская община в тюрьме и в ссылке», «Крепостнические традиции в Сибири», «Инородцы Сибири и их вымирание», «Сибирские инородцы, их быт и современное положение», «Общественная жизнь Сибири» и т.д.

Размышляя о живучести крепостнических традиций в Сибири, Н.М. Ядринцев формулирует тезис о готовности сибирского крестьянина к подчинению, что реализовывалось на практике в трансляции стандартов организации его общественной жизни в местах выхода: «...он оставался верен своим формам землевладения, своей общине, своей круговой поруке, своему миру, и чиновник, поняв склад его

жизни... добродушно говорил: «Благоденствуешь бестия?.. Только ты помни, что ты дань должен своему благодетелю. И мужик нёс» [12. С. 75].

Одним из ключевых вопросов в связи с аграрной колонизации Сибири и сопредельных регионов Н.М. Ядринцев считал вопрос инородческий. Критикуя в своём определении «бюрократические цивилизаторские проекты» заселения степей, мешавших нормальному развитию кочевой культуры и прогрессу, исследователь поставил под сомнение эффективность имперских планов, в которых содружество «меча и плуга» позиционировалось как своеобразная народная санкция имперской экспансии. Один из своих фундаментальных трудов «Инородцы Сибири и их вымирание» Ядринцев начинает с важного предупреждения: «Реферат мой возбудил некоторые прения по вопросу о вымирании инородцев, причем были высказаны мнения, что низшие инородческие расы при столкновении с высшими обречены на вымирание и что причины этого вымирания лежат в упорстве и неспособности инородцев перейти к высшей культуре» [13]. В конечном итоге он приходит к выводу, что причины вымирания лежат далеко не в свойствах самой расы, но в чисто внешних обстоятельствах, неблагоприятно влияющих вообще на человеческую жизнь [13].

Специфическая группа «субалтернов» представлена в работе Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» – сообщество «отверженных», по определению исследователя. Ядринцев детально «выводит» мир людей, подвергшихся повторной колонизации: тюремных обитателей, ссыльных бродяг, бывших «благородных», против своей воли потерявших статус «Человека власти и культуры». Рассуждая о значении тюрьмы и ссылки в колонизационном отношении, Н.М. Ядринцев чётко обозначил основные результаты повторной «субалтернизации» субъектов имперской пенитенциарии, особо подчеркнув усиление их подчинённого статуса: «водворялись под главным наблюдением сибирского генерал-губернатора»; «губернаторам предоставлялась полная свобода действий... в отношении ссыльных»; «выбор строгих исполнителей и предоставления им неограниченной власти»; «организация обязательных работ» [10. С. 574–575].

Отдельным сюжетом в работе Н.М. Ядринцева предстаёт практика интеграции освобождённых из тюрем преступников в сибирское общество через приписку к старожильческим селениям, что в полной

мере вписывалось в концепцию «внутренней колонизации»: только та земля является русской, по которой прошёл плуг её пахаря! Характеризуя ситуацию с обустройством ссыльных на старожильческих землях, Ядринцев замечает: «От них требовали только, чтобы они непременно занялись земледелием...» [10. С. 583]. Всё это позволяет говорить о том, что формирование сообществ «покорённых», «субалтернов» колонизации реализовывалось через практики унификации хозяйственных занятий и образа жизни подчинённых групп.

Показательны в этом смысле размышления Н.М. Ядринцева о судьбе субалтерна в колонизации: «Тысячи поселенцев легли здесь костями под изнурительными работами, под жестокими наказаниями, в лихорадках, тифе, в цинге и под пятном “сибирской язвы”, но новые толпы, осужденные на смертность, заменяли их»; «повсеместный грабёж народа, пытки в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания... *жалобы* сибиряков на несправедливость властей дали повод называть их ябедниками...» [10. С. 571].

Подобно субалтерном чёрной Атлантики, отвечающим на угнетение музицированием, в обстоятельствах внутренней колонизации восточных окраин империи выработались автохтонные модели сопротивления субалтернов, широко репрезентируемые в текстах Н.М. Ядринцева: жалоба, бегство-переселение, бегство-бродяжничество.

Конструируя общие выводы, отметим следующее. Опираясь на понятийный словарь А. Грамши, в котором принадлежность к категории «субалтерн» адресуется угнетённым и маргинализированным группам, нельзя не признать, что и сам Ядринцев, как и многие его единомышленники, неоднократно оказывался в ситуации перемещения в маргинальное состояние (дело сепаратистов, конфликты с властями вокруг издательской деятельности и литературного творчества), имея биографический опыт колониальной субалтерности. В данном отношении репрезентации субалтерности в литературных и публицистических текстах Н.М. Ядринцева исходят одновременно и как от «Человека власти и культуры», и как от «колониального субалтерна», что даёт возможность говорить о ситуации двойного исключения согласно логике Г. Спивак, когда возникают две модели репрезентации: говорить от имени угнетённых или вообразить их. Нам видится, что Н.М. Ядринце-

ву, который взял на себя обязательства представлять интересы угнетённых, в значительной мере удалось избежать представлений о субалтернах колонизации как когерентных политических субъектах, без эссенциализации их побуждений и желаний. Литературные и публицистические тексты Н.М. Ядринцева позволяют рельефно очертить сообщества «других» в качестве и объекта и средства решения задач колонизации как способа инкорпорации окраин в общеимперское пространство методами доминирования и подчинения.

Литература

1. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. статей / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
2. Эткинды А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
3. Липовецкий М. Советские и постсоветские трансформации сюжета внутренней колонизации // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 809–845.
4. Грамши А. Избранные произведения. М. : Иностранная литература, 1959. Т. 3. С. 191–200.
5. Стивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. СПб. : Алетей, 2001. С. 649–670.
6. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 6. С. 22–332.
7. Семёнов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества. Омск : Издание Зап.-Сиб. Отдела Государственного Русского Географического Общества, 1927. 359 + 160 с.
8. Лемке М. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины (1894–1904). СПб. : Изд. ред. газеты «Восточное обозрение», 1904. 219 с.
9. Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Русская мысль. 1904. Июнь. С. 152–171.
10. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова ; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2015. 752 с.
11. Ядринцев Н.М. Письмо Г.Н. Потанину от 17 января 1873 г. // Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск : Тип. Енис. Губ. Союза кооперативов, 1918. Вып. 1. С. 41–68.

12. Ядринцев Н.М. Крепостнические традиции в Сибири // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева. Красноярск : Тип. Енисейского губ. Союза кооперативов, 1919. С. 69–76.

13. Ядринцев Н.М. Иностранцы Сибири и их вымирание. URL: http://az.lib.ru/j/jadrince_n_m/text_1883_inorodtzy_sibiry_olderfo.shtml

“Subalterns” of Colonization in the Scholarly, Journalistic and Literary Heritage of Nikolai Yadrintsev

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 15, pp. 236–247. DOI: 10.17223/24099554/15/14

Mikhail K. Churkin, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Keywords: internal colonization, postcolonial studies, discourse, “subaltern”, “Man of Power and Culture”, Nikolai Yadrintsev.

Modern postcolonial studies have developed the definition of internal colonization as a system of regular practices of colonial government and knowledge within the political boundaries of the state. On this scale, relations are formed between the state and its subjects, in which the state treats its subjects as subdued in the course of the conquest, and its own territory as conquered, mysterious, and requiring settlement and “inculturation” from the center. At the same time, the main elements of imperial domination, implemented through coercion, are cultural expansion, hegemony of power, ethnic assimilation within the state borders. The Russian culture of the 19th century formed the plot of internal colonization. It was built around the conflict between the “Man of Power and Culture” and the “Man from the People”. The latter is positioned in the article as a “colonial subaltern” – a disadvantaged, marginalized individual (group) with limited subjectivity. The concept of the subaltern, which is based on A. Gramsci’s idea of hegemony as a variant of voluntary acceptance of relations of domination, suggests that the dominance of the “Man of Power and Culture” is based on the consent of the governed rather than on the methods of violence and genocide. The assertion of the fact that Russia is created through self-colonization and self-sacrifice, and Russian identity is both that of the sovereign and of the subaltern, requires adequate argumentation through rereading and interpreting the plots of internal colonization. In the center of internal colonization are the well-known events of Siberian history: exile and katorga, resettlement, non-Russian question, social life of the borderland, etc. The literary heritage of Nikolai Yadrintsev (articles, poems, feuilletons) provides an opportunity not only to reconstruct the images of “colonial subalternity”, to reconstruct significant episodes of the collective biography of subalterns or to rank them as the indigenous population, old-timers of the region, resettlers from European Russia, but also to hear the voices of the “subalterns” themselves. The postcolonial perspective of the study of the literary works of Yadrintsev, a representative of the liberal segment of the Russian sociopolitical discourse, opens up prospects for identifying the practices and forms of resistance of the voiceless subalterns, the mechanisms of their

oppression by both the colonialists and the traditional patriarchal power. When formulating the key findings of the study, the author takes into account that “subalterns”, as a category of the internal colonization process, are initially in double exclusion: their “invisibility” and “inaudibility” is replaced by the right of competing political actors to represent the interests of the subaltern. This invariably creates the danger of perceiving subalterns as coherent political subjects.

References

1. Etkind, A., Uffelmann, D. & Kukulin, I. (eds) (2012) *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii: Sb. statey* [There, inside. The practice of internal colonization in the cultural history of Russia: Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Etkind, A. (2016) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. The imperial experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Lipovetskiy, M. (2012) Sovetskie i postsovetskie transformatsii syuzheta vnutrenney kolonizatsii [Soviet and post-Soviet transformations of the plot of internal colonization]. In: Etkind, A., Uffelmann, D. & Kukulin, I. (eds) *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii: Sb. statey* [There, inside. The practice of internal colonization in the cultural history of Russia: Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 809–845.
4. Gramsci, A. (1959) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from Italian. Vol. 3. Moscow: Inostrannaya literatura. pp. 191–200.
5. Spivak, G.Ch. (2001) Mogut li ugnennyye govorit'?' [Can the subaltern speak?]. Translated from English. In: Zherebkin, S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernyye issledovaniya. Ch. II: Khrestomatiya* [Introduction to Gender Studies. Part II: A Reader]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 649–670.
6. Potanin, G.N. (1983) Vospominaniya [Memories]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. pp. 22–332.
7. Semenov, V.F. (1927) *Ocherk pyatidesyatiletney deyatel'nosti Zapadno-Sibirskogo otdela Gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Essay on the fifty-year activity of the West Siberian Department of the State Russian Geographical Society]. Omsk: West Siberian Department of the State Russian Geographical Society.
8. Lemke, M. (1904) *Nikolay Mikhailovich Yadrintsev. Biograficheskiy ocherk k desyatiletiyu so dnya konchiny (1894–1904)* [Nikolay Mikhailovich Yadrintsev. A biographical essay to the tenth anniversary of his death (1894–1904)]. St. Petersburg: Izd. red. gazety “Vostochnoe obozrenie”.
9. Yadrintsev, N.M. (1904) K moyey avtobiografii [To my autobiography]. *Russkaya mysl'*. June. pp. 152–171.

10. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian community in prison and exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

11. Yadrintsev, N.M. (1918) Pis'mo G.N. Potaninu ot 17 yanvarya 1873 g. [Letter to G.N. Potanin of January 17, 1873]. In: *Pis'ma Nikolaya Mikhailovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G.N. Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Tip. Enis. Gub. Soyuza kooperativov. pp. 41–68.

12. Yadrintsev, N.M. (1919) Krepostnicheskie traditsii v Sibiri [Serfdom traditions in Siberia]. In: *Sbornik izbrannykh statey, stikhotvoreniy i fel'etonov N.M. Yadrintseva* [Collection of selected articles, poems and feuilletons by N.M. Yadrintsev]. Krasnoyarsk: Tip. Eniseyskogo gub. Soyuza kooperativov. pp. 69–76.

13. Yadrintsev, N.M. (1883) *Inorodtsy Sibiri i ikh vymiranie* [Siberian aliens and their extinction]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/j/jadrince_n_m/text_1883_inorodtzy_sibiry_olderfo.shtml.